

совершенно разные понятия.

Исследование также может быть посвящено причинам зависимостей персонажей – автор статьи предполагает, что это связано с их физическими и душевными травмами.

Список литературы

Нечаева Е.А. Метамодернизм как дискурс нового антропологического мифа // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 1. – С. 191–202.

Уоллес Д.Ф. Бесконечная шутка / пер. с англ. С. Карпова, А. Поляринова. – М. : АСТ, 2022. – 1279 с.

Freudenthal E. Anti-Interiority: Compulsiveness, Objectification, and Identity in *Infinite Jest* // *New Literary History*. – 2010. – Vol. 41, № 1. – P. 191–211.

Lago E. A Brand New Interview with David Foster Wallace // *Electric Literature*. – Nov 16, 2018 [electronic resource]. – Mode of access: <https://electricliterature.com/a-brand-new-interview-with-david-foster-wallace/> (дата обращения: 12.01.2023).

Wallace 2003 – David Foster Wallace unedited interview // *Manufacturing Intellect : YouTube Channel*. – 2003 [electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=iGLzWdT7vGc&t=1558s> (дата обращения: 12.01.2023).

Wallace D.F. *Infinite Jest*. – New York : Little, Brown and Company, 2009. – 2253 p.

INDIVIDUALISM, ADDICTION, AND OVERCOMING THEM IN DAVID FOSTER WALLACE'S INFINITE JEST

This paper examines David Foster Wallace's *Infinite Jest* (1996): in particular, its leading theme – addiction, whether it is drug addiction, entertainment addiction, etc. – is analyzed. The author repeatedly noted that he saw the main meaning of the word “addiction” as “religious devotion”, and explained how such a meaning is connected with the values of American society. It is concluded that in *Infinite Jest* the writer shows that individualism, as well as the accompanying desire for personal happiness and immediate pleasure, can turn into a fatal addiction, which means the loss of freedom of choice. The desire for common happiness, so the rejection of individualism or, as the author himself calls it, “Identification” with others, is the path to salvation and recovery.

Key words: addiction; individualism; metamodernism; David Foster Wallace.

УДК 821(5).09

МОТИВ ЖЕНИТЬБЫ НА УМЕРШЕЙ КАК ВЫРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Д.А. Карпова

Научный руководитель: А.С. Полушкин,
кандидат филологических наук, доцент (ЧелГУ)

В статье рассматриваются истоки и специфика мотива женитьбы на умершей на материале произведений таких фантастических жанров средневековой китайской

литературы, как чжигуай сяошо, чуаньци, хуабэнь и нихуабэнь. Выявляются особенности реализации, функции и динамика развития анализируемого мотива. Делается вывод о том, что мотив женитьбы на умершей выражает протест против социальных проблем и может быть отнесен к числу вечных, не утрачивающих свою актуальность.

Ключевые слова: китайская литература; средневековая литература; фантастические жанры; мотив женитьбы на умершей; чжигуай сяошо; чуаньци; хуабэнь; нихуабэнь.

Проблема широкого распространения брака по договоренности существует в Китае с древних времен. На протяжении многих веков на китайское общество оказывает сильное влияние конфуцианство – этико-философское и политическое учение, занимающееся вопросами нравственной природы человека и принципами управления государством и признающее приоритет рационалистического начала над эмоционально-личностным. Конфуцианство отрицательно относится к чувственной любви, способной затуманить разум человека и сбить его с пути добродетели. Из-за подобных представлений в дореволюционном (до 1911 года) Китае редко вступали в брак по душевному влечению.

Так, китаевед В.Я. Сидихменов отмечает: «Важнейшую роль в подборе жениха и невесты играл социальный, имущественный фактор. Родители руководствовались принципом “соответствия пары”, т.е. семьи жениха и невесты не должны были значительно отличаться друг от друга по материальному достатку» [Сидихменов 1987: 355]. Брак, пишет синолог М.Е. Кравцова, заключали посредством «сватовства, по воле родителей и даже без предварительного знакомства будущих супругов друг с другом. <...> Повторное замужество, особенно после вдовства, формально допускалось, но резко порицалось общественным мнением» [Кравцова 2003: 308]. Конфуцианская идея сыновней почтительности не позволяла перечить отцу и матери: «Сын мог быть недоволен избранной для него родителями женой; жена, в свою очередь, могла быть недовольна мужем – не это считалось главным в браке» [Сидихменов 1987: 357]. Именно поэтому тема любви стала одной из ведущих в художественной литературе. Фольклорист и литературовед Дуань Баолинь отмечает, что «любовные истории обычно не описывали любовь абстрактно, они всегда были связаны с разоблачением социальных противоречий» и носили антифеодальный характер [Дуань 2019: 66]. Проблема распространения насильственных союзов поднята во множестве трагических историй о загубленных жизнях и в мистических рассказах о воссоединении влюбленных благодаря вмешательству сверхъестественных сил. В произведениях последнего типа популярен такой фантастический мотив, как женитьба на умершей. Следует отметить, что данный мотив не связан

с существующей в Китае формой посмертного («призрачного») брака *минхунь*, заключающегося между двумя мертвецами или между мертвым и живым человеком. В мотиве женитьбы на умершей принципиально важен элемент соединения влюбленных, а посмертный брак основывается на материальном расчете или боязни позора безбрачия.

Наиболее ранним жанром китайской литературы, в котором использован мотив женитьбы на умершей, является жанр малой прозы чжигуай сяошо («записи о чудесах»), возникший в III–IV веках в условиях распространения мистицизма и сохранявший установку на достоверность. Произведения чжигуай сяошо представляют собой короткие рассказы о явлениях духов или нечистой силы, о победе монахов над ними, о воздаянии за грехи и воскресении из мертвых и объединены в сборники, которых до нашего времени дошло более тридцати.

Важнейшее место в рассказах чжигуай сяошо занимают призраки – души умерших, являющиеся после смерти, чтобы навредить людям или попросить их исполнить последнюю волю. При этом, как отмечает российский синолог И.А. Алимов, в произведениях чжигуай сяошо призраки практически не отличаются от людей: «Они помнят прижизненные чувства ...обликом и поведением также с живыми не разнятся» [Алимов 2014: 217]. Образ призраков отражает мифологические и даосские представления о телесной душе *ло*, которая после смерти человека в случае убийства, несправедливого приговора и сильной обиды становится нечистой силой. По воле милосердных богов пострадавшие от несправедливости люди могут вернуться в мир живых. При этом к мотиву чудесного воскресения из мертвых тесно примыкает мотив женитьбы на умершей.

Цзиньский писатель Гань Бао в сборнике «Записки о поисках духов» приводит классический сюжет. Главные герои, девушка Фу-Юй и юноша Ван Дао-Пин, поклялись друг другу стать супругами, но чиновники отправили Дао-Пина в поход на девять лет. Родители Фу-Юй насильно выдали дочь замуж за другого, и она «умерла от тоски» [Гань 1994: 339]. Вернувшийся Дао-Пин узнал о смерти любимой, и, впав в отчаяние, стал молить ее: «Живые и мертвые расстаются навеки, но если у тебя есть бессмертная душа, дай мне увидеть твое лицо, как при жизни» [Гань 1994: 340]. Девушка, до конца своих дней помнившая о данной клятве и сохранявшая в сердце любовь и верность Дао-Пину, ожила, и с тех пор герои жили вместе как супруги. Союзу Фу-Юй и Дао-Пина препятствовали не просто родители девушки, чиновники, забравшие юношу в солдаты, и первый муж героини, потребовавший после ее воскресения возратить ему жену по закону. Причина их несчастья носит национальный масштаб: она заключена в самом устройстве китайского

общества, в котором не считались с желаниями и чувствами отдельных людей ни на государственном, ни на бытовом уровнях. Гань Бао включает в сборник и другие вариации данного сюжета [см.: Гань 1994: 341–342, 378–381], чем подчеркивает его типичность и распространенность поднятой проблемы. Мир живых показан в таких историях жестоким и несправедливым, но призраки не подчиняются его правилам – и поэтому ограничения, не позволяющие героиням вступать в брак с возлюбленным при жизни, исчезают после смерти.

Ключевые фантастические образы и мотивы жанра чжигуай сяошо, в том числе мотив женитьбы на умершей, заимствует и развивает жанр чуаньци («рассказ о необычном»). Он зародился в эпоху Тан (618–907 гг.) – время политического, экономического и культурного подъема Китая. Именно поэтому танскую литературу отличают жизнеутверждающий характер, воспевание инициативы и действия. Также к чуаньци относят некоторые новеллы эпох Сун (960–1279 гг.) и Мин (1368–1644 гг.). В отличие от чжигуай сяошо, произведения чуаньци обладают завершенной композицией, они сюжетно сложнее и стилистически совершеннее.

Образ духов в произведениях жанра чуаньци подвергается идейной обработке и демократизации. Мотив женитьбы на умершей реализован в новелле танского писателя Чэнь Сюань-ю «Душа, которая рассталась с телом». Юноша Ван Чжоу и его возлюбленная Цяньнянь хотели пожениться, но отец героини решил устроить более выгодный брак дочери с чиновником. Тогда Ван Чжоу уехал, но дух девушки последовал за ним, и «в течение пяти лет Цяньнянь родила двух сыновей» [Путь... 1989: 114]. Призрак, как выяснилось в конце, принадлежал не мертвому человеку, а больному: духовная душа хунь девушки отправилась за возлюбленным, а в теле осталась телесная душа *по*. При возвращении же призрака Цяньнянь в родительский дом, где находилось ее тело, «у всех на глазах обе девушки соединились и превратились в одну» [Путь... 1989: 114]. Данный сюжет показывает, что препятствия, вставшие на пути влюбленных, теперь могут быть преодолены не только после смерти, но и при жизни. Развязка истории, в сравнении с произведениями чжигуай сяошо, более оптимистична. Однако из-за отсутствия в данной новелле трагического элемента, внимание на поднятой в ней социальной проблеме заостряется не так сильно, а звучащий в ней протест против насильственного брака практически заглушен.

Традиции жанров чжигуай сяошо и чуаньци продолжает в своих произведениях-стилизациях цинский писатель Пу Сунлин (1640–1715). Он переосмысляет мотив женитьбы на умершей. Так, одна из героинь рассказа «Чародейка Ляньсян», бесовка Ли, влюбилась в студента Сана, но отношения с ней привели юношу к сильной болезни. Несмотря на то

что Ли умерла еще ребенком, она не утратила способности испытывать человеческие чувства: «Вступить в союз и любовь с нашим больным – это, конечно, было моим желанием, но довести его до смерти – никогда не бывало у меня в мыслях» [Пу 1988: 53]. Однако «мрачный могильный дух в них [бесах] слишком уж силен», и поэтому ее союз с живым человеком невозможен [Пу 1988: 54]. Только ее воскресение в теле другой девушки позволяет молодым людям жить счастливо. Похожий сюжет лежит также в основе рассказа Пу Сунлина «Бесовка Сяосе». Две бесовки – Цюжун и Сяосе – влюбились в студента Тао Вансяня, и это чувство оказалось взаимным. Однако героини, опасаясь за жизнь юноши, отказывали ему в близости. Благодаря вмешательству даоса, который помог бесам возродиться в телах умерших девушек, история завершилась счастливо [Пу 1983: 154–164]. Таким образом, героини обоих рассказов, являясь бесами (телесными душами умерших девушек), не подчиняются человеческим законам и свободны в выборе возлюбленного. Однако быть с ним они не могут – перед их союзом стоят преграды уже не социального характера, как перед живыми, а мифолого-религиозного: темная энергия смерти несовместима с жизненной энергией людей, губительна для них. Это обстоятельство углубляет конфликт, делает его более глобальным: и при жизни, и после смерти будут существовать различные преграды для любви, и поэтому счастливый союз оказывается скорее исключением – случайностью или влиянием высших сил.

Другим жанром, произведения которого содержат мотив женитьбы на умершей, является хуабэнь («основа сказа»). Он возник в XI–XIII вв., во время правления династии Сун, как результат деятельности уличных рассказчиков, чей текст выступления либо записывался предварительно, либо фиксировался во время исполнения. Произведения хуабэнь отражали самосознание городского общества. Среда возникновения и больший, в сравнении с танскими новеллами, объем позволяют называть их городскими народными повестями. В эпоху Мин и ранней Цин, в XVI–XVII вв., стали также популярны авторские произведения, написанные в манере хуабэнь и получившие название нихуабэнь – «подражание хуабэнь».

Рассматриваемый в статье мотив использован в повести хуабэнь «Дважды умершая». Когда главная героиня, Шэн-сянь, «поняла, что отец не соглашается отдать ее за любимого, у нее перехватило дыхание, и она замертво упала на пол» [Дважды умершая: URL]. Пожалев ее, даосский Владыка Пяти Сфер, властитель судеб всего сущего, позволил душе девушки повидаться с возлюбленным. В данной повести запрет отца на брак дочери с возлюбленным повлек за собой не только смерть героини, но и несчастья в судьбе других людей, из-за чего автор приходит к

выводу: «легче жить нам без любви» [Дважды умершая: URL]. В обществе, в котором желания и эмоции людей не берутся в расчет, не находится места светлым чувствам.

Эволюцию образа призрака можно наблюдать в повести «Нефритовая Гуаньинь» Ли Шэ [Нефритовая Гуаньинь 1972: 197–213]. Из-за практически бесправного положения женщин и трусости супруга, Цуй Нина, Сю-сю погибла. Однако «не желание мести возвратило ее к людям, а непобедимое чувство к любимому» [Желоховцев 1969: 36]. Она никому не желала зла, но забрала Цуй Нина в мир мертвых, не в силах вынести разлуку с ним. В гибели героя заключена его расплата за пассивность перед несправедливостью. Не безвинна и Сю-Сю: ее, казалось бы, светлые чувства приносят возлюбленному смерть. Сю-сю нельзя назвать ни отрицательным, ни положительным персонажем, в отличие от героев предшествующих жанров, где такое деление сохранялось. Фантастический элемент усиливает трагизм повести: власть безнравственна, но даже сверхъестественные силы не могут этого изменить. Социальный протест, наметившийся еще в историях чжигуай сяошо и чуаньци, так и не получает развития: порочный человек наказан, однако сами пороки общества не искоренены, и попыток исправить это не предпринимается.

Таким образом, мотив женитьбы на умершей был популярен в китайской литературе на протяжении многих веков. Он выражал протест против актуальных социальных проблем. При этом в ранних жанрах конфликт, как правило, имел локальный, частный характер, но со временем его масштаб становился более глобальным. Несмотря на включение в действующий закон КНР «О браке» положения о добровольном вступлении в супружеские отношения, до сих пор многие люди выбирают пару под давлением родственников и традиций. Именно поэтому фантастический мотив женитьбы на умершей все еще актуален и вводится в произведения современной китайской литературы.

Список литературы

Алимов И.А. Сад удивительного: Краткая история китайской прозы сяошо I–VI вв. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2014. – 592 с.

Гань Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / пер. с древнекит. Л.Н. Меньшикова. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 1994. – 576 с.

Дважды умершая / пер. с кит. Д.Н. Воскресенский // ЛитМир [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=31069&p=1&>. (дата обращения: 16.12.2022).

Дуань Баолинь. Китайская народная литература / пер. с кит. Л.К. Станченко. – М. : Шанс, 2019. – 391 с.

Желоховцев А.Н. Хуабэнь – городская повесть средневекового Китая: некоторые проблемы происхождения жанра. – М. : Наука, 1969. – 200 с.

Кравцова М.Е. История культуры Китая. – СПб. : Лань, 2003. – 416 с.

Нефритовая Гуаньинь: Новеллы и повести эпохи Сун / под ред. Г. Яролавцева. – М. : Худож. лит., 1972. – 256 с.

Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжэя о необычайном / пер. с кит. В. Алексеева. – М. : Худож. лит., 1983. – 432 с.

Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжэя о необычайном / пер. с кит. В. Алексеева. – М. : Худож. лит., 1988. – 559 с.

Путь к заоблачным вратам: Старинная проза Китая / сост. И.С. Смирнов. – М. : Правда, 1989. – 608 с.

Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. – М. : Наука, 1987. – 448 с.

THE MOTIVE OF MARRYING A DEAD FIANCEE AS THE EXPRESSION OF SOCIAL PROTEST IN MEDIEVAL CHINESE LITERATURE

The article uses the literature material of such medieval Chinese fantastic genres as zhiguai xiaoshu, chuanqi, huaben and niuaben to consider the origins and specifics of the motive of marrying a dead fiancée. The implementation, functions and dynamics of the analyzed motive are identified. It is concluded that motive of marrying a dead fiancée expresses a protest against the social problems and can be assigned to the number of eternal ones that do not lose their relevance.

Key words: Chinese literature; medieval literature; fantastic genres; marriage; dead fiancée; zhiguai xiaoshu; chuanqi; huaben; niuaben.

УДК 821.111

СИМВОЛИЗМ ПРОСТРАНСТВ В РОМАНЕ ДЖ. УИНТЕРСОН «ХОЗЯЙСТВО СВЕТА»

Е.В. Нагорная

*Научный руководитель: Н.Г. Владимирова,
доктор филологических наук, профессор (БФУ им. И. Канта)*

В статье рассматриваются разные формы пространственной организации текста, а также их символизм в романе Дж. Уинтерсон «Хозяйство света». Наряду с реальными художественными пространствами в романе также выделяются аллюзивные, мифологические и онейрические пространства. Представлены разнообразные примеры пространств и их взаимодействие с сюжетными линиями романа. Разные типы и пропорции реального и ирреального пространств создают структуру произведения, а типология пространства определяет фабулу, сюжетные линии, символику и персонажную систему романа.

Ключевые слова: спациопэтика; онейрическое пространство; миф; символ.

Роман английской писательницы Дж. Уинтерсон «Хозяйство света» представляет собой образец многополярного изображения пространства. Среди разнообразных видов пространства в романе особо можно выделить реалистичное, условное и онейрическое. Детальному анализу этих пространств и посвящена данная статья.

Е. Фарина выделяет следующую классификацию онейрических